

«Грозен был батюшка Муравьев в гневе» (устный рассказ о генерал-губернаторе Восточной Сибири)

Сотрудничество историков и филологов — явление традиционное, но в последнее время оно актуализируется и наполняется новым содержанием. Одним из проявлений такого историко-филологического подхода стало изучение темы «Литература и документ» сектором литературоведения Института филологии СО РАН во главе с Е.К. Ромодановской. У историков есть аналогичные темы: «Художественная литература как исторический источник» и «Фольклор как исторический источник». Наиболее плодотворным для исследователя-историка нам представляется подход к литературным и фольклорным произведениям как к источнику для изучения менталитета, социальной психологии, общественного сознания и т.п. В этом они близки по значению мемуарам, хотя последние более информативны и как носители сведений об исторических фактах. Очень полезно и интересно также использование методов и подходов устной истории.

Данная работа посвящена одному конкретному источнику, опубликованному в 1902 г. в неофициальной части газеты «Забайкальские губернские ведомости»¹. Публикатор, подписавшийся псевдонимом Могуч, назвал его «Сказание про отважного есаула Скобельцына».

В центре повествования находится эпизод из истории освоения Приамурья, среди основных действующих лиц — генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Он был одним из любимых героев мемуаров, создававшихся в регионе во второй половине XIX в.², фигурирует его имя и в нескольких фольклорных записях. Причин тому было несколько. Во-первых, это был выдающийся государственный деятель, его инициатива, энергия и решительность в значительной степени обусловили важнейшее событие в жизни региона — присоединение к России огромного Амурского края. Само это событие серьезно изменило

жизнь многих тысяч жителей — казаков, крестьян, солдат. Во-вторых, его поведение, манера обращения с людьми были необычными и резко контрастировали с привычными канонами. «Муравьевское время» в Сибири во многом отличалось как от предшествующих, так и от последующих периодов жизни края.

О Муравьеве писали не только представители так называемого образованного общества, но и люди иного социального статуса — казаки, фельдшеры, купцы. Заметим, что и в воспоминаниях образованных людей порой присутствуют либо записи устных рассказов представителей народных низов, либо упоминания о них³. Кроме традиционных мемуаров, о нем слагали оды, песни, сатирические стихи. Фигурирует его имя и в казачьем фольклоре. В сборнике, изданном под редакцией Л.Е. Элиасова⁴, содержится чуть более десяти коротких преданий и устных рассказов о жизни казаков до 1917 г., в двух из которых говорится о Муравьеве. В первом («Первые пришельцы на Уссури»⁵), где речь идет о переселении на Амур и Уссури, Муравьев выступает в роли главного героя:

Задумал Муравьев-Амурский себя прославить и покой на наших дальних границах завести. И стали они вместе с другими нашими генералами широкую думу думать. Посоветовался Муравьев с казаками и другими русскими людьми, и порешили они во что бы то ни стало укрепить нашу русскую землю по Уссури и Амуру.

Подчеркивается, что губернатор обещал казакам на новом месте «привольное житье», льготы и т.д. И «слово свое генерал Муравьев сдержал: от налога казаки не страдали, земли у них было много», но было много бед и трудностей. Во втором («Забайкальцы на Уссури»⁶) говорится в основном о заслугах и трудностях жизни казаков, о Муравьеве упоминается лишь один раз: «Муравьев хоть и заманил всех в эти края далекие, да только от царя ничего для нас не добился. Видать, ца-

рю не до нас было». Еще в одном казачьем рассказе («О Невельском»⁷) о Муравьеве вообще нет ни слова и все его заслуги в деле присоединения Амурского края отданы «генералу Невельскому». Причем о последнем говорится, что он был «добрый человек», «на первом месте у него забота о нашем государстве с ума не сходила», он «по всей нашей уссурийской и амурской границе прошел и везде посты поставил». Сразу же надо отметить, что ни одно утверждение, за исключением слов о патриотизме Невельского, не соответствует историческим документам.

Как уже отмечалось, «Сказание про отважного есаула Скобельцына (записано от казака старой Николаевской службы, проживающего в селении Большереченском Посольской волости Селенгинского округа Я.Д. Соловьева)» было опубликовано в 1902 г. в «Забайкальских областных ведомостях» в ряду других записей фольклорных текстов, имевших общее заглавие «Песни и сказки сибирских крестьян. Экскурсия по Иркутской губернии и Забайкальской области»⁸. Общий объем текстов, вошедших в публикацию, подписанную псевдонимом Могуч, довольно велик: они заняли место в 15 номерах газеты⁹. Эта обширная работа состоит из предисловия с общими рассуждениями о сибирских песнях и сказках, попытками их классификации, их характеристиками и текстами (восемь номеров), а также «Сказки про двух кумовей-омулятников да про разбойничьего атамана Гондюхина», «Сказки про теленка-злодея, невиданного на свете лиходея, да про высокогородного и высокопочтенного „восподина Лоскутова“» и «Сказания про отважного есаула Скобельцына». Ни об одном из текстов нами не найдено упоминаний в исследовательской литературе.

К сожалению, очень мало пока удалось узнать о публикаторе. Знаток истории культуры и краеведения Забайкалья Е.Д. Петряев в своих исследованиях упоминает Валентина Васильевича Невского, который печатался также под псевдонимами Могуч, В. Н-ский, Дедушка Левантин, В.В. Н-ий¹⁰. Но рассматриваемой публикации Петряев не называет. Некоторые, хотя и скудные, сведения об этом человеке, можно почерпнуть из введения к исследуемому произведению. По датировкам записей видно, что Невский был в Иркутской губернии: в 1888 г. — в Балаганском округе, в 1893 г. — в Усольском округе, в 1894 г. — в Нижнеудинском уезде. Его перу принадле-

жит несколько статей, очерков, заметок, мемуаров. Из них выясняется, что детство Невский провел в Забайкалье: в его воспоминаниях о епископе Мелетии указано, что преосвященный «оденял нас, малышей»¹¹. Позже, вероятно окончив семинарию, Невский стал учителем. В «Забайкальских епархиальных ведомостях» под псевдонимом Могуч он опубликовал две большие работы. Первая, «Нашим учителям и учительницам школ грамоты», включает сведения по детской психологии и педагогике¹². Вторая, «Борьба православной миссии с ламаизмом и его друзьями (исторический обзор деятельности Забайкальской духовной миссии)», содержание которой ясно из названия, имеет подзаголовок: «Записки действительного члена православной миссии»¹³.

Как уже отмечалось, в публикации песен и сказок Невский пытался дать характеристику сибирским песням, предлагал собственную их классификацию¹⁴. Далее он писал:

Сибирских сказок местного устного изложения, рисующих быт и жизнь сибиряка-простолудина и быт царивших во времена оны деспотических сатрапов Сибири, я записал очень немного и передам в той форме, в какой мне пришлось слышать от рассказчиков. А так как эти сказки не лишены глубокого интереса в историческом и этнографическом отношении и очень забавны и живы, а главное, блещут своим неподдельным юмором, то я приведу их в оригинале, ни на йоту не изменяя образных слов и выражений «посказителя»¹⁵.

Каждому тексту предшествует указание на источник записи.

Интересующее нас произведение публикатор назвал «сказанием», рассказчик — «бывальщиной». В этом тексте есть зачин:

Позвольте, честные гости, не сказку сказать... не побаску сложить, не песню пропеть, а позвольте правду да бывальщину выложить.

И концовка:

А теперь не мешает чарочкой помянуть славного отца-командира, ему злат венец, а нам на доброе здоровье.

В этом литературном памятнике нас прежде всего привлекают вопросы исторического характера: о каких событиях и что именно говорится в тексте, что в рассказе казака совпадает либо близко излагавшемуся более или менее образованными мемуаристами, как то и другое соотносится с официальной точкой зрения, отраженной в документах.

Для удобства рассмотрения в тексте выделены смысловые единицы.

1. *«Когда поход на Амур с нашим покойным царство небесное атаманом и славным полководцем свиты Его Величества Генерал-адъютантом Николаем Николаевичем Муравьевым делали, так по две недели не едали и куска хлеба не видали; голяшки у сапог отгрызли, даже хотели своего каптенармуса скушать, да Господь батюшка Царь милостивый спас, на китайскую фанзу нашли и рис разыскали».*

Здесь нет преувеличений. В ряде источников различного происхождения отмечается, что в первые годы освоения Приамурья солдаты сибирских линейных батальонов, казаки и крестьяне терпели огромные лишения. Главные трудности во время самих сплавов были связаны с движением по неизвестным местам, с нехваткой и даже отсутствием продовольствия. От голода, холода и болезней гибли десятки людей. Особенно тяжелым было возвращение войск с устья Амура в 1856 г. Люди были обессилены, пункты с запасами продовольствия были расположены далеко друг от друга, движение отдельных частей было плохо продумано и организовано. В результате от голода и болезней погибло около 200 человек. Некоторые мемуаристы упоминали о случаях угрозы людоедства.

2. *Сотней, в которой служил рассказчик, командовал есаул Михаил Алексеевич Скобельцын.*

Скобельцын был одним из героев и руководителей амурских сплавов, но его звали Гавриилом Дмитриевичем. Можно предполагать разные причины такой странной ошибки рассказчика. Не исключено, что среди его знакомых был какой-то Михаил Алексеевич Скобельцын — фамилия эта была очень распространена в регионе. Г.Д. Скобельцын участвовал и в первом (1854), и во втором (1855) амурских сплавах, но не зимовал в устье Амура, а сплавливался вместе с генерал-губернатором весной 1855 г. и о событиях апреля и мая этого года, т.е. о высадке в Де-Кастри английского десанта, не встретившего сопротивления, узнал одновременно с Муравьевым¹⁶. В 1855 г. Г.Д. Скобельцын командовал так называемой Буреинской сотней (впоследствии 6-я Амурская), в которую вошли 67 казаков 4-го конного полка и 33 казака 12-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска¹⁷. По приказанию Муравьева Буреинская сотня была оставлена при Мариинском посту.

3. *В одном полку с рассказчиком и Скобельцыным служил есаул Извергов, то есть, как справедливо замечает публикатор, Имберг.*

Алексей Константинович Имберг (или Имберх) участвовал в амурских сплавах 1854 и 1855 гг., он служил в 3-м конном полку Забайкальского казачьего войска¹⁸. В том же 1902 г. в тех же «Забайкальских областных ведомостях» было опубликовано подробное описание похода сводной казачьей сотни на Амур, написанное Н. Беломестновым на основе официальных документов и каких-то записей, сделанных участником похода, его отцом П. Беломестновым. «За старшего офицера был назначен командир 1-й сотни 3-го конного полка сотник Алексей Имберг, за младшего — командующий 5-й сотней 3-го полка зауряд-хорунжий Павел Беломестнов»¹⁹. Но Скобельцын служил в другом полку и в сводную казачью сотню не входил.

4. *Главным начальником был генерал-адъютант Н.Н. Муравьев, начальником в походе на Амур — «морского чину полковник Невельских».*

Н.Н. Муравьев, действительно, как генерал-губернатор был «главным местным начальником» и, кроме того, лично руководил первыми амурскими сплавами. Во время войны 1854–1856 гг. он был и главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке. Начальник Амурской экспедиции капитан 1-го ранга (что соответствовало чину полковника) Г.И. Невельской к этому времени уже получил чин контр-адмирала. Он не был «начальником в походе на Амур», но в 1854–1855 гг. официально значился командующим морскими силами на Дальнем Востоке.

5. *Рассказчик характеризует главных начальников: «Грозен был батюшка Муравьев в гневе, любил правду, а вранья не терпел... справедливый был, но горяч да грозен в гневе, не приведи Бог, а правда у него для всех равна была». Невельской «был строгий и требовательный барин... прижимистый командер... а как бывало начнет ругаться... загнет, загнет... преизвестник своего дела».*

Характеры этих двух военачальников описаны довольно похоже на то, что писали хорошо их знавшие современники.

6. *Между Имбергом и Невельским произошла ссора. Причиной конфликта явилось возмущение Имберга адресованной ему руганью Невельского, который употребил даже*

нецензурную брань, а также жалоба Имберга Муравьеву: «Напер на него полковник Невельских вплотную, и так не хорошо и так не ладно, а сделай по его, еще хуже, ну словом под капустный лист ложись да помирай. Заживо заклевал мужика, донесенья енералу Н.Н. Муравьеву чуть не кажинный день на Изверга посылал; а из-за чего вышло: как-то полковник по привычке пошел понужать родителей до третьего колена, г. Извергов „окастрижился“ да и говорит: полегче, г. полковник, здесь не в море, можно за это и на „абардаж“. Возненавидел полковник есаула на смерть и тогда же решил его во что бы ни стало погубить».

По сведениям Н.П. Беломестнова, столкновения между Имбергом и Невельским происходили с начала осени и в течение всей зимы 1854/55 г. Вероятно, их причиной были неудачи в осуществлении ряда трудных задач, лежавших преимущественно на немногочисленных забайкальских казаках, переведенных в устье Амура. Невельской, законно гордившийся «подвигами морских офицеров на крайнем востоке России» (название его книги, написанной в последние годы жизни), не склонен был признавать объективные причины ряда неудач. Во всяком случае, Беломестнов в описании похода сводной казачьей сотни приводит несколько подобных случаев:

Например, представляет Имберг Невельскому о невозможности в зимнее время поддерживать конное сообщение на санях между Мариинским и Николаевским постами, Невельской усматривает в этом уклонение от исполнения приказаний²⁰.

Даже через несколько лет поддержание коммуникаций на Дальнем Востоке оставалось одной из самых тяжелых повинностей. Как выясняется из статьи Беломестнова, было и возмущение Имберга руганью Невельского. Беломестнов приводит текст рапорта Имберга Невельскому:

Сего числа, быв вытребован к Вашему Превосходительству, я при многих господах офицерах был обвинен Вами в неисполнении Ваших приказаний, почему имею честь просить Ваше Превосходительство довести Ваше обвинение до сведения господина генерал-губернатора для взыскания законным порядком с меня, если окажусь виновным, или с Вашего Превосходительства за несправедливые и незаслуженные мною от Вас обвинения и оскорбления меня Вами неприличными званием офицера выражениями Вашими, после коих я не имею желанья служить под начальством Вашего Превосходительства²¹.

7. «Невельской донес на Извергова, что тот измену затевает и англичанскому правительству продался; понапрасну наклеветал». Муравьев в гневе приказал «закопать живым в землю» провинившегося «Извергова».

На основании ряда документов и мемуаров современников можно утверждать, что казачья сотня под командованием А.К. Имберга была оставлена в Мариинском посту осенью 1854 г. В мае 1855 г. неподалеку, в заливе Де-Кастри, появились неприятельские корабли и была осуществлена высадка английского десанта, которую не предотвратили и не попытались отразить казаки под командованием Имберга. Причиной тому явились тяжелые условия зимовки — почти все казаки болели цингой. Поэтому, когда потребовалось прислать помощь из Мариинского поста, оказать ее было невозможно. Н.П. Беломестнов, оправдывая Имберга, утверждает также, что по распоряжению Невельского 18 апреля 1855 г. «для починки баркасов» были высланы все здоровые казаки. После прибытия Муравьева Имберг был подвергнут аресту, ему угрожал военный суд, в условиях военного времени дело вполне могло окончиться расстрелом.

В воспоминаниях Скобельцына ничего не сказано о виде казни, которая грозила провинившемуся, хотя и говорится о приготовлении могилы и о вызове аудитора, т.е. о подготовке суда. Беломестнов уточняет, что Муравьев приказал поставить столб и вырыть яму. Имберг был осужден им единолично. «Полувзвод забайкальцев под командою зауряд-сотника Беломестнова выведен был на место казни для ее исполнения»²².

8. За Имберга заступился есаул Скобельцын: «Наш сокол Мих. Алекс., не долго думая, хватил пеннику и затесался к енералу заступником — „ваше превосходительство!.. все одни кляузы, есаул Изверг человек всех мер, а полковник Невельских нас по-конски возит и наше офицерство унижает“».

Никто из мемуаристов, в том числе и сам Скобельцын, не упоминает о попытках заступиться за Имберга. Г.Д. Скобельцын излагал окончание этого эпизода так:

Я еще раньше сцены с Имбергом имел приказание Муравьева расставить баржи, приплывшие после нас, и явиться затем обедать к генералу... Когда я пообедал, генерал обратился ко мне, спрашивая: «Что станем делать с этими мерзавцами?» — И затем начал ругать казаков самыми нецензурными словами. Я, разумеется, все время хранил молчание. «Возь-

мите эту сотню казаков и артиллерию, — проговорил он затем, — присоедините их к своей сотне, запаситесь продовольствием на 10 дней, а также полными снарядами для пушек, и отправляйтесь немедленно в де-Кастри». Замечу кстати, что при нашем разговоре с Муравьевым присутствовала также его супруга, которая все заговаривала с ним по-французски. Она, по-видимому, просила о помиловании Имберга, но генерал возражал на французском же языке раздражительным и недовольным тоном, вероятно отказывая в ее просьбе. Однако есаул Имберг был помилован Муравьевым²³.

Н.П. Беломестнов не говорит о Скобельцыне, но отмечает, что «об Имберге казаки отзывались как об отце родном: никого никогда не обидел, всегда и во всем отстаивал интересы их»²⁴. Заметим, что в этом фрагменте «Сказания» мы видим указание на известную по более поздним источникам напряженность в отношениях между «настоящими» и зауряд-офицерами.

9. *В гневе Муравьев арестовал и Скобельцына: «Вспылл енерал Н.Н. Муравьев, закричал, затопал ногами — „взять его пьяницу под караул... ни дисциплины, ни порядка не знают, в одной могиле с Извергом зарюю“».*

Ни в одном из известных источников не говорится ни об аресте Скобельцына, ни о гневе Муравьева на него. По версии Беломестнова, арест был произведен до приезда генерал-губернатора, который, получив донесение Невельского с обвинением Имберга, стал грозить последнему смертной казнью. Очевидец сцены фельдшер М.Г. Демидов описал его И.В. Любарскому следующим образом:

Едва только баржи успели причалить к берегу, как последовала команда: «Полубатальону выходить на берег с ружьями и строиться в три шеренги». Здесь представилась глазам необычайная картина: в лесу, саженьях в 10 от берега, конные казаки копали яму и ставили подле же столб. Выстроенный полубатальон в медвежьих папах и все офицеры штаба Муравьева с пасмурными лицами составляли декорацию зловещей сцены. Очевидно, должна была произойти страшная драма, но кто падет жертвой, мы, новоприбывшие, не знали. Тем временем нахмуренный Муравьев шагал перед фронтом взад и вперед, как бы чего-то выжидая. Вскоре два казака привели под ружьями офицера и стали перед фронтом. Офицер этот, как после оказалось, был есаул Имберг. Он держался на костылях, вследствие поражения ног цингой, и вообще имел вид болезненный и до крайности изнуренный. Последовала команда: «Справа и слева заходи». Затем генерал Муравьев громко начал говорить следующую сентенцию: «Этот офицер в последних числах марта допустил двум неприятельским пароходам, приходившим в бухту де-Кастри, сделать

промеры и не только не воспрепятствовал этому, но и вообще не принял никаких военных мер против неприятеля. А потому, по положению военного времени, он, есаул Имберг, подлежит расстрелу, как за измену». Вот отделился уже взвод казаков с заряженными ружьями. Оставалось произнести последнюю роковую команду... Как часто, однако ж, жизнь и смерть зависят от самых незначительных обстоятельств. Неожиданно прибежал лакей и доложил генералу, что ее превосходительство просит немедленно пожаловать к ним на баржу, и неумолимый судья поспешно ушел на призыв доброго гения, оставив всех в тягостном оцепенении. Подул бурный ветер, нависла туча, нахмурилась природа. Имберг сосредоточенно опустил глаза; казалось, он творил свою последнюю предсмертную молитву; изредка на его восковом лице пробегали судорожные движения. Все замерли в невыносимом ожидании развязки, на душу каждого навалился давящий кошмар, спирало дыхание. Прошла мучительная четверть часа. Вдруг раздается с палубы громкий приказ Муравьева: «Взять есаула Имберга под арест на две недели и употреблять на черную работу». Все вздохнули полною грудью, а бедный есаул заплакал, как ребенок²⁵.

10. *Спас обоих рассказчик, который решился на это, зная о благосклонности Муравьева к рядовым казакам: «Эх, думаю, была не была... сам сгину, а своего командира не покину, обскажу все попросту Н.Н. Муравьеву, лишь бы на него, батюшку, добрая планида нашла, если от начальства никаких резон не принимает, то меня простого казака выслушает». Муравьев отменил свое приказание, Имберг и Скобельцын были освобождены, а заступник награжден генералом и его женой, которая «пожаловала ему золотой».*

Ни один из мемуаристов не пишет о вмешательстве кого-либо из простых казаков. Но современники не раз отмечали особую снисходительность и даже благосклонность генерал-губернатора к рядовым. По словам Н.П. Беломестнова, спасен Имберг был благодаря заступничеству адъютанта Муравьева А.Н. Сеславина и супруги генерал-губернатора, которые (вероятно, Сеславин) объяснили, что Имберг был болен и о нападении англичан узнал только на следующий день²⁶. Сеславин мог и должен был знать эти факты, так как после этого был назначен командовать войсками в Де-Кастри²⁷. Подтверждает эту версию и участник сплавов К.Б. Чаплеевский. Он вспоминал, что суд был отменен после того, как «выяснилось, что Имберг лежал в это время в страшной цинге» и что «он не получил ни от Невельского, ни от Завойко

приказания идти в де-Кастри» и «не знал о появлении неприятеля»²⁸. Заметим, что через полгода, в октябре 1855 г., Имберг и его отряд успешно участвовали в отражении второго неприятельского десанта²⁹.

В записях современников сохранились свидетельства об аналогичных случаях. М.Г. Демидов вспоминал, как во время очередного амурского сплава одна из барж села на мель, разгневанный Муравьев объявил находившемуся на барже офицеру:

«Ты мне более не нужен, оставайся на берегу на голодную смерть». Все подручные начальники чувствовали и сознавали жестокость этого приговора, но никто из них и подумать не смел оказать заступничество, чтобы смягчить участь провинившегося. Только благодаря доброму участию супруги генерала Екатерины Николаевны, плившей на рейсе, не совершилась бесцельная жестокость. Она тайно от мужа попросила подполковника Корсакова, любимца Муравьева, взять злополучного есаула на дежурный баркас и до поры до времени, пока не выпадет благоприятный случай, не обнаруживать его присутствия, обещая в удобную минуту уладить дело. Так и сделали. Медведев был помещен на дежурный баркас и сидел там инкогнито более недели. Когда хитрость обнаружилась, то Муравьев не только не рассердился, но даже, казалось, остался доволен³⁰.

Подведем итоги. В рассматриваемой записи устного рассказа есть только одно серьезное расхождение с другими источниками, мемуарными и документальными, — это роль Скобельцына. Нигде, кроме этого устного рассказа, не упоминается о факте его вмешательства в судьбу Имберга. По более правдоподобному свидетельству, это миссию взял на себя А.Н. Сеславин. Возможных причин этого расхождения может быть, как нам представляется, две. Первая — Скобельцын, пусть и не в такой романтической форме, действительно мог заступиться за Имберга, а Муравьев, высоко ценивший этого знающего и опытного казака, мог прислушаться к его мнению. Вторая — замещение в казачьих рассказах и, вероятно, в коллективной памяти казаков офицера Сеславина зауряд-офицером Скобельцыным. Сеславина казаки мало знали, его статус и биография препятствовали героизации образа: выпускник Пажеского корпуса, гвардейский офицер, с 1853 г. армейский подполковник, адъютант генерал-губернатора, входивший в ближайшее его окружение. Скобельцын же — коренной забайкалец, потомственный казак, ставший благодаря своему уму, находчивости, опыту

и знаниям зауряд-офицером (т.е. приравненным к офицерам только на время выполнения возложенных на него обязанностей). Первым из казаков он сделал головокружительную карьеру, получив в 1858 г., благодаря хлопотам Н.Н. Муравьева, чин войскового старшины (что соответствовало рангу подполковника).

Несмотря на эти скептические соображения, замечу главное: «Сказание об отважном есауле Скобельцыне» является очень интересным и ценным источником по истории казачества, полезно оно может быть и для исследователей казачьего фольклора. Его содержание подтверждает и другое: имя «грозного батюшки» Н.Н. Муравьева-Амурского — вспыльчивого, решительного, даже жестокого в гневе, но в то же время склонного к быстрой перемене гнева на милость, снисходительного к казакам и отличавшего их, сохранилось не только в официальных документах, местных летописях, но и в народной памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 78, 81. Благодарю д.фил.н. Л.И.Журову за ценные советы при анализе источника.

² См.: Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998.

³ См., напр.: *Вишняков Н.И.* Записки военного врача. Новосибирск, 2011. С. 160–162.

⁴ Фольклор казаков Сибири / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Под ред. Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1969.

⁵ Там же. С. 182–183.

⁶ Там же. С. 183–184.

⁷ Там же. С. 187–188.

⁸ Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 78, 81.

⁹ Там же. № 29, 31, 35, 37, 40, 47, 53, 57, 61, 64, 67, 70, 74, 78, 81.

¹⁰ *Петряев Е.Д.* Псевдонимы литераторов-сибиряков. М., 1973. С. 55; *Он же.* Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиогр. указ. Дореволюционный период. Чита, 1981. С. 70.

¹¹ *Мозуч.* Воспоминания о Преосвященном Мелетии, бывшем викарии Иркутской епархии, епископе Селенгинском // Забайкальские епархиальные ведомости. Чита, 1902. № 11. С. 7.

¹² Забайкальские епархиальные ведомости. 1901. № 7, 8, 10, 11, 14; 1902. № 3, 8/9; 1903. № 5/6, 7/8, 9/10.

¹³ Там же. 1902. № 14–18, 22; 1903. № 5/6, 7/8, 9/10.

¹⁴ Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 29, 47.

¹⁵ Там же. № 57.

¹⁶ Скобельцын Г.Д. Записки // Исторический вестник. 1894. № 10. С. 204–205.

¹⁷ Васильев А.П. Забайкальские казаки: Ист. очерк: В 3 т. Благовещенск, 2007 С. 70. (Репринт. изд. 1918 г.).

¹⁸ Письмо А.К. Имберха Д.И. Завалишину, 29 мая 1859 г. // Сборник старинных бумаг П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 1. С. 217.

¹⁹ Беломестнов Н.[П.] К экспедиции графа Муравьева на Амуре 1854 г. Сводная сотня Забайкальского казачьего войска // Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 62.

²⁰ Там же. № 72.

²¹ Там же. № 70.

²² Там же. № 72.

²³ Скобельцын Г.Д. Записки (в записи) // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 129.

²⁴ Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 72.

²⁵ Демидов М.Г. (в записи И.В. Любарского). Бедственная экспедиция // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 159.

²⁶ Забайкальские областные ведомости: Часть неофиц. 1902. № 72.

²⁷ Послужной список А.Н. Сеславина. РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 3178, л. 12–12 об.

²⁸ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы к биографии: В 2 кн. М., 1891. Кн. 1. С. 414–415.

²⁹ Нападение английской эскадры на восточный берег Сибири // Отечественные записки. 1856. Т. 106, № 6. С. 64, 65. «За Амур» А.К. Имберг был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами (Послужной список А.К. Имберга. РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 8969, л. 11–11 об.).

³⁰ Демидов М.Г. Бедственная экспедиция. С. 156.